

П-1434

1993

7

ISSN 0235-2443

**АПК: экономика,
управление**

7'93

УДК 338.439.5

Перспективы аграрной реформы: стратегия переходного периода

А. НИКОНОВ, академик (Аграрный институт)

Стратегия переходного периода предполагает поиск и обоснование путей быстрого выхода из экономического кризиса и одновременно дальнейшего последовательного развития начатых реформ с необходимыми коррективами в тактику соответственно складывающейся обстановке. При этом строго выдерживается стратегический курс на создание смешанной экономики рыночного типа.

Разумеется, реформа — не самоцель, а средство создания порядка здравого смысла, свободного от любых догматических наслоений. Это средство рационального использования природных, человеческих, материальных, интеллектуальных и иных ресурсов, в конечном итоге, роста производительности труда, сохранения внешней среды, обеспечения благосостояния людей.

В связи с этим хотелось бы отвести некоторые неверные толкования и взгляды, распространенные как в обществе в целом, так и среди некоторой части ученых и практиков.

Первое: якобы современный аграрный кризис вызван реформой и еще раньше — перестройкой; сейчас следовало бы свернуть реформу, заняться стабилизацией экономики. Но ведь реформа и вызвана тем, что экономика и ее аграрная сфера были затратными, экстенсивными, дефицитными, с крайне нерациональным использованием ресурсов. Необходимость реформы диктовалась объективными требованиями, и обратного пути здесь нет. Мы на несколько десятилетий опоздали с реформами, упустили более благоприятное время для реформ, например в середине 50-х годов, в период «оттепели», наступившей в результате акций, предпринятых Н. С. Хрущевым. Или в середине 60-х годов, когда деревня еще не была так обескровлена и депопуляция не была столь разрушительной. Сохранив в неизменном виде производственные отношения, мы оказались в глубокой и длительной стагнации. Реформы необходимы, другое дело, как их проводить.

Второе: переоценка роли рынка в наших конкретных условиях на данном этапе его становления. Попытка придать ему саморегулирующие силы, когда не созданы объективные условия его функционирования: нет инфраструктуры, не введен рыночный механизм, не подготовлены люди для работы в рыночных условиях, не создано конкурентной среды, свирепствует теневая экономика. Рынок надо настойчиво и последовательно создавать.

Третье: принижается роль государства в переходный период. Очень слабо задействованы рычаги государственного регулирования. И вроде бы, поначалу, казалось, что так и должно быть. В известной мере поэтому

цены, налоги, кредиты, дотации, инвестиции, экономические санкции слабо влияют на производство.

Четвертое: мы все еще ищем главное звено, взявшись за которое сможем вытянуть всю цепь. А ведь это поиск мифической волшебной палочки. На этом мы обжигались не раз, обожглись и сейчас, когда одновременно с либерализацией цен не сдвинули с места другие элементы или едва начали сдвигать. Освобождение цен при монополизме и товарном дефиците подхлестнуло инфляцию, коррупцию, массовую спекуляцию, резкую дифференциацию в обществе, а точнее, поляризацию.

Мы часто спешим, торопимся и многое упускаем. Трудно сказать, что хуже: медлительность или торопливость. И, наконец, мы многое упрощаем, политизируем, ищем то левое, то правое, то белое, то черное, а надо бы просто хорошо видеть реальную жизнь во всем ее многообразии, со всеми противоречиями и рождающимися тенденциями.

Мы допускаем грубые ошибки упрощенческого плана, по крайней мере, в двух вопросах. Прежде всего в отношении к России, не всегда учитывая ее уникальность, многоликость в природном, географическом, историческом, демографическом, культурном, психологическом и других отношениях. Часто это имеет решающее значение. Еще Н. Д. Кондратьев предостерегал, что нельзя стричь всю страну под один номер. И сейчас кое-кому хочется иметь упрощенное решение, но его нет.

И затем в отношении к сельскому хозяйству и селу. Д. И. Менделеев в свое время отмечал, что дело это «страшно сложное», так как в нем участвуют космические силы (тепло, свет, воздух), природные тела (почва и т. д.), живые организмы (растения, животные, микроорганизмы), человек, технические средства, капитал. И все это в определенных соотношениях, нарушение которых может свести на нет результаты.

На практике мы часто сбиваемся на отдельные меры, пытаюсь их экстраполировать, иногда из-за деревьев не видим леса. Приступаем к решению частных задач, не имея общего плана, стратегии. Нет нужды говорить, сколь важно иметь общую концепцию и стратегию. Иначе неизбежны сбои, блуждания, трата сил и средств впустую.

Из чего следует исходить при выработке такой стратегии? Очевидно, из наших реалий как длительных, так и сложившихся сегодня, исторического и мирового опыта, устремлений и готовности людей к тем или иным решениям.

Разумеется, за последние 2—3 года многое сделано по аграрной реформе. Заложены основы смешанной экономики, создается многоукладность, резко увеличилось число землевладельцев, появился слой самостоятельных крестьян — фермеров, насчитывающий на начало 1993 г. 200 тыс. хозяйств.

Затем — сознание людей и их отношение к реформе. По данным последнего социологического опроса 52 % сельских жителей России поддерживают частную собственность на землю. Но далеко неоднозначно отношение к купле-продаже земли, что имеет достаточно убедительные основания: состояние общества таково, что надеяться на справедливое перераспределение путем купли-продажи сегодня нереально.

Сложность обстановки диктует необходимость подходить к происходящим процессам взвешенно, без романтизма и излишнего оптимизма и, вместе с тем, без нигилизма, очернительства и бесперспективности. Сегодня уместны пронзительные слова великого поэта России Анны Андреевны Ахматовой: «Всё расхищено, предано, продано, черной смерти мелькало крыло».

Каковы сегодня российские реалии, имеющие прямое отношение к кризису и реформе?

Прежде всего это анемия общества, выражающаяся в массовом невыполнении законов, беспомощности властей, борьбе властных структур,

в разросшейся коррупции, мафиозности и преступности, в бездуховности и апатии во всех слоях общества.

Второе, это спад производства. По некоторым показателям производство сельскохозяйственных продуктов в России отброшено к началу 80-х и даже к 70-м годам, то есть на полтора-два десятилетия.

Стоимость валовой продукции сельского хозяйства в сопоставимых ценах в 1992 г. уменьшилась в сравнении с предыдущим годом на 8 %. Зерна, картофеля и сахарной свеклы собрано больше, овощей, молока и мяса значительно меньше. Производство молока за два года сократилось на 15 %, мяса — на 19 %. В личных подсобных хозяйствах населения объем производства превысил уровень 1991 г. и составил около одной трети общего объема. Однако он не компенсировал резкого сокращения производства на крупных общественных предприятиях. При относительно высоком сборе зерна возникли трудности с его закупками.

Основные проблемы производства связаны с гиперинфляцией, ценовым диспаритетом, разрушением и до этого худосочной системы сервиса. Поставка продукции на рынок экономически не оправдывается. Появился опасный процесс свертывания производства до объемов самообеспечения крестьянской семьи.

Третье, ускорившаяся депопуляция российского села, происходящая на фоне общего сокращения численности населения России. 1992 г. стал черным годом: смертность в России превысила рождаемость, и общая численность населения уменьшилась на 71 тыс. человек, при этом число родившихся сократилось на 11 %, умерших увеличилось на 5 %.

Эти тревожные демографические процессы вызывают беспокойство уже потому, что только в XX в. Россия пережила, по крайней мере, шесть волн массовой гибели генетического потенциала нации: первая мировая война; гражданская война 1918—1920 гг.; эмиграция и депортация населения; насильственная коллективизация и голодный террор; великие репрессии конца 30-х годов; вторая мировая война.

Каждая из этих волн уносила миллионы и десятки миллионов людей, причем наиболее дееспособных и молодых. Эмиграция идет и сейчас.

Четвертое, всё более грозный характер приобретает экологическое неблагополучие. К традиционным формам разрушения относятся: эрозия почв, иссушение водных источников, опустынивание земель, обеднение флоры и фауны, закисление и засоление почв. Устрашающие размеры приняло техногенное загрязнение производственными выбросами. К таким крупным авариям планетарного масштаба, как в Чернобыле и Челябинске, следует добавить аварии в промышленности, на транспорте, в том числе трубопроводном, отравляющие землю, воду, воздух и пищу.

Кажется, что перед лицом таких грозных реалий, ставящих под вопрос само существование современного общества, а может быть, и жизни на земле, должны замолчать все политические амбиции, межнациональные и прочие конфликты, вражда и ненависть. Не прекратив этого, преодолеть аграрный экологический и экономический кризисы невозможно. Но нет, не умолкают. Прав был Александр Кинг, президент Римского клуба, сказавший, что народы накопили много знаний, но мало мудрости. Можно добавить, и мало этики, морали, доброты.

Россия за многовековую историю пережила много трудных годин и накопила богатый опыт, который подсказывает, как нужно и как нельзя поступать в тех или иных исторических условиях. Для нас представляет интерес история реформ, приведем некоторые примеры.

Крестьянская реформа 1861 г. отличалась тщательностью разработок правовых актов, продуманностью, поисками мер сообразно реалиям того времени, эффективностью влияния на производство. Достаточно вспом-

нить, что, например, сбор зерна за 40 лет после реформы увеличился более, чем вдвое, а экспорт вырос в 7 раз. Реформа заняла 20 лет.

Столыпинская реформа была рассчитана также на два десятилетия внутреннего и внешнего мира. Для нее были характерны реальный приоритет села, экономические стимулы крестьянам, свободный выбор форм хозяйствования, создание 2,5-миллионного слоя крестьян-предпринимателей, преимущественно на новых землях восточнее Урала.

Новая экономическая политика государства в 20-е годы позволила возродить разрушенные революцией и военным коммунизмом рыночные отношения, заложить основы разветвленной крестьянской кооперации, укрепить рубль и сделать его конвертируемым, установить ценовой паритет в обмене между городом и селом. Быстрыми темпами росло тогда производство (свыше 10 % в год).

Активные поиски 80-х годов включали попытки развязать инициативу крестьян, многие из них были успешными. Однако стагнация и разрушение деревни зашли столь далеко, что частные меры оказались неэффективными и потребовалось изменение самого характера производственных отношений.

Мировой опыт располагает многочисленными моделями эффективного устройства продовольственного хозяйства. Можно сослаться на североамериканскую, западноевропейскую, скандинавскую, израильскую, китайскую, индийскую и другие модели. В определенных условиях они эффективны, но механический перенос любой из них в России невозможен без учета наших реалий.

Вместе с тем для всех успешно функционирующих моделей характерны некоторые общие черты: хорошая правовая обоснованность, ответственность, крестьянская кооперация, четко работающий сервис, надежная инфраструктура, разумная интервенция государства, постоянная борьба за ценовой паритет, социальная защита крестьян, владение крестьянами на правах собственности предприятиями пищевой индустрии. Здесь нет диктата и монопольных структур.

Реформу всегда начинают правительства, но реформы могут быть успешными только тогда, когда они получают поддержку со стороны крестьян. Большевики крестьян не любили, не понимали, считали их потенциальными буржуями, пытались выварить в пролетарском котле, лишив собственности, свободы выбора, самоуправления, хозяйственной инициативы.

Не видно большой любви к крестьянам и у нынешних демократов. Многие из них считают крестьян консерваторами. Да, крестьяне, не осмыслив, не бросаются на всякие новинки. Они не терпят популизма и обмана, чего насмотрелись за последние десятилетия вдоволь.

Колониальная политика по отношению к крестьянству не дает успеха и благополучия обществу и государству в целом.

Перед нами сегодня порочный круг: с одной стороны, анемичное общество, не способное само выйти из кризиса, с другой — удары по жизненному уровню в результате гиперинфляции усиливают пассивность и инертность людей. Как разорвать этот порочный круг? Очевидно, только одним путем: разработать четкую стратегию и тактику, заинтересовать и объединить большинство людей на решение немногих, но самых жизненно важных задач, прежде всего на производство продовольствия. Это задача и правовая, и экономическая, и социальная, и организационная, и политическая.

На первое место выдвигаются проблемы макроэкономические: цены, кредиты, налоги, инвестиции, дотации, крупномасштабные федеральные программы, структурная политика. Не решив их, не подведя здоровую экономическую базу, невозможно выполнение отраслевых задач.

Необходимо преодолеть определенную заикленность среди ученых —

экономистов и практиков, выражающуюся в выпячивании той или иной формы хозяйствования, формы собственности, размеров предприятий.

Одни говорят, что страну могут накормить только колхозы и совхозы, другие видят будущее только в фермерском хозяйстве; одни считают, что эффективны только крупные предприятия, другие — мелкие; одни отстаивают только государственно-общественную собственность, другие — только частную. Думается, что противопоставление форм собственности, хозяйствования, размеров, методов ведения хозяйства бессмысленно. Нужны крупные, средние и мелкие хозяйства, собственность частная и государственная, хозяйствование индивидуальное и артельное. Крайне необходима во всех случаях кооперация. Рассматривать только в черно-белом цвете, по принципу: «Кто не с нами, тот против нас», навязывать для всех условий одну какую-то модель — это худшая форма неობольшевизма, догматизма и уравниловки. Всё это должно кануть в лету и уступить место научному, объективному, системному подходу. При этом свобода выбора, приоритет интересов крестьянина, ресурсосбережение должны быть в основе всех программ. Расковать хозяина, поощрить предпринимательство, создав для него благоприятные правовые и экономические условия, — это лишь одна сторона медали, другая заключается в высокой компетентности и высокой морали человека. Подлинно рыночные отношения несовместимы с рвачеством и мафиозностью.

История предпринимательства в России свидетельствует о том, что из этой среды выходили меценаты и носители культуры. Психология нуворша и люмпена сходна в том, что и один, и другой, находясь на разных полюсах общества, на деле паразитируют в обществе, первые — алчным рвачеством и самообогащением, вторые — бездельем. Крайности и здесь смыкаются. Поэтому переход к новым производственным отношениям невозможен без кропотливой работы по обучению людей и воспитанию высокой морали.

Россия нуждается в хорошо обоснованной региональной политике, отражающей все местные особенности, равно как и в продуманной структурной политике. Тот факт, что мы теряем на разных этапах производства, переработки и реализации зерна около 50 %, картофеля и овощей — свыше 75 %, диктует необходимость круто изменить структурную политику. Это позволит снизить потери и исключить импорт тех видов продовольствия, которые в климатических условиях России могут производиться.

Еще раз относительно макроэкономических проблем. Следует вспомнить об инфляции и монополизме, преодолеть которые мы обязаны, ибо, не сделав этого, движение вперед невозможно.

Начатый в Аграрном институте социально-экономический мониторинг реформы создает объективную базу для информации и отслеживания происходящих процессов. Быстрое реагирование на негативные процессы позволит избежать ненужных издержек и уже в ближайшее время обеспечить перелом в лучшую сторону. Реформа — это не одноразовый акт. Это длительный процесс, это переход в новую эпоху. И сейчас переход займет как минимум полтора — два десятилетия. Без ясной стратегии и хорошо обоснованной программы успех невозможен. Но обратного пути нет. Поэтому выработка научной стратегии — это основа для хорошо продуманных федеральных и региональных программ реформы.

